

Фоменко Я.В.,
*магистрант философского факультета
Орловского государственного университета*

Метафоризация дороги в философском дискурсе

Данная статья обращается к метафоризации концепта дороги. Метафоризация дороги в философии позволяет не только вычлнить уровни функционирования этого концепта в философских системах, но и выполнять методическую роль для классификации самих типов философствования.

Ключевые слова: *Метафоризация дороги, пути; паломничество; бродяжничество; богоискание; дауншифтинг; трансгрессивные практики.*

Metaforizatcija road in philosophical discourse

Fomenko Jana,
Undergraduate Faculty of Philosophy, Orel State University

This article is devoted to the concept of the road and its metaphor. Philosophical analysis of the road allows isolating level of functioning of this concept in the philosophical systems and analysis can fulfill the role of the classifier types of philosophizing.

Keywords: *Metaforizatcija road, path; pilgrimage; vagrancy; God-seeking; Downshifting; transgressive practices.*

Концепт дороги — амбивалентное понятие, которое вбирает в себя, во-первых, материальную сферу своего бытия, а во-вторых, широко используется в духовной культуре в качестве универсальной метафоры. В философии метафоризация дороги, пути занимает особое место. Здесь мы говорим о метафоризации в общем смысле, как о культурно-когнитивном феномене (а значит, о способах и формах осмысления действительности), а не просто как о средстве художественной выразительности. Метафоризация — осмысление абстрактных понятий в конкретных образах. Дорога относится к таким материальным объектам, которые в процессе смыслогенеза подлежат метафоризации, т. е. с их помощью образно осмысливаются и семантически закрепляются такие понятия, как жизнь, смерть, добро, зло, счастье, горе, болезнь, страх и многое другое [4, 14]. Так образ дороги становится универсалией мировой культуры. Богатейшую метафоризацию дороги мы находим уже в мифах, фольклоре, религии. Существуют устойчивые архетипы, которые так или иначе связаны с дорогой: Вечный Жид, лабиринт Минотавра, клубок Ариадны,

возвращение Одиссея, поход аргонавтов и многое другое. В самой структуре дороги наблюдается то, что становится основой для её метафоризации (слиянность бытия и времени, идея движения, препятствия, начало и конец пути, обочина). Таким образом, дорога имеет богатое символично-метафорическое поле, в котором осмысливаются такие основополагающие для философии категории, как жизнь и смерть, бытие, пространство, время.

Метафоризацию дороги в философии можно разделить на несколько уровней:

1) Онтологический. Здесь дорога выступает основополагающей характеристикой бытия: особой формой слиянного пространства и времени (М.М.Бахтин, М.Хайдеггер); бесконечным лабиринтом (Х.Борхес, У.Эко) Или же мир сам предстает в качестве дороги, пути (характеристика средневекового мировоззрения). В онтологическом уровне понимания метафоры дороги ведущее место занимает характеристика дороги как состояния бытия: у Хайдеггера – это состояние бездомности в просвете бытия; у М.М. Бахтина – основополагающий культурологический хронотоп, который позволяет приблизиться к той или иной эпохе; у Х. Борхеса, У. Эко – лабиринтообразное строение бытия, т.к. лабиринт сам по себе – это дорога-ловушка, имеющая единый вход и выход, но растянутая в пространстве беспорядочным образом (аналогия ризомы).

2) Гносеологический. Дорога употребляется как метафора мышления, познания. Содержание таких метафор, как «путь жизни», «путь смерти», «путь познания» — это, как правило, уже готовый ответ на извечные вопросы философии «Что есть мир? Как он устроен? Какое место занимает в нем человек? Как человек познает мир?». Многие исследователи отмечают тесную взаимосвязь мышления и дороги. По сути, здесь, как и в религии: та или иная система дает путеводную нить для гармоничного развития человека. Здесь уже подмечены всевозможные препятствия (например, парадоксы, антиномии, «идолы» Ф.Бэкона и т.д.) и дан рецепт рационального поведения, познания в виде последовательных ступеней, этапов, а по сути – переходов.

3) Антропологический. Метафоры пути используются для того, чтобы отразить внутренний мир человека и его бытие в мире («путь жизни», «путь смерти», «жизненная дорога», «бездомность» (отчуждение), «обочина жизни», «движение вперед» и мн.др.). Нередко сам человек понимается как путь: «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель» [9,24]. В таком контексте человек тождественен своему пути от рождения до смерти.

Концепт дороги проглядывает практически в каждом сочинении философа. И данное положение понятно в свете метафоризации этого культурного феномена: философы предлагают пути познания, жизненную дорогу для человека; само построение философской системы есть путь, дорога. Здесь мы переходим к различению внутренних и внешних границ в осмыслении дороги как философской метафоры. Внешние границы складываются из противопоставления своего и

чужого, субъективной реальности и объективного мира. Внутренние границы находятся в строгой зависимости от внешних, но и сами порождают множество смыслов. Преодоление пространства (основное назначение дороги), а значит и препятствия, как внутреннего, так и внешнего, тесно связано с движением духа, мысли. Осознать это движение, вскрыть его направление можно через множество категорий, связанных с дорогой. Для внешних границ осмысления дороги используются такие же метафоричные понятия, как и сама дорога: граница, горизонт, обочина. Для внутренних: дверь, остановка, перекресток, путь, «пробывание». Внешние границы отражены, по большей части, в типах философствования в их отношении к дороге, а внутренние — в образе дороги в философском самопознании.

Тяга за горизонт — отличительное свойство мыслящего существа. Любое знание, мыслительное усилие — означает собой преодоление границы, движение к новому знанию, постановление новых границ.

Но в философском дискурсе метафоризацию дороги можно представить и в интерпретационном свете ввиду анализа философами художественных образов. Здесь самыми яркими примерами являются анализ Э. Блоха – гетевского Фауста; М.Мамардашвили – Пруста; М.М. Бахтиным – Гете. В данном контексте дорога выступает как образно-символическая репрезентация художественно-философской концепции в произведениях искусства. Анализ пути у этих мыслителей неизбежно переплетен с понятием самопознания.

Так, Э.Блох подчеркивает методический мотив путешествия, наблюдая его в самопогружении человека в себя. С помощью образа Фауста Блох анализирует особую форму знания — путешествие: «Беспокойный Фауст, проводящий время за профессорской кафедрой, является субъектом человеческого стремления и пути к постоянно изменяющемуся Нечто, который изображен Гете с невиданной дотоле силой» [2, 86]. Фауст находится в путешествии к совершенному мгновению в прекрасном чувстве, для того, чтобы воскликнуть: «Остановись мгновение, ты прекрасно!». Человек, подобный Фаусту, постоянно претерпевает изменения, ибо «если человек в путешествии остается неизменным, это плохое путешествие» [2, 86]. Сам Э.Блох называет процесс постановки новых целей в путешествии «освежением, обновленным рождением целей». С помощью такой методики анализа, по Э.Блоху, можно понять направление, к которому ведет та или иная философская система. Противоположный курс Фауста, по Э.Блоху, составляет традиционная форма знания-путешествия: «располагать методом означает идти путем вещи, этот путь приводит к универсальной, генетически дифференцированной тотальности взгляда» [2, 99]. Всякий мыслитель имеет дух Фауста, по убеждению Э.Блоха, т. к. каждый философ стремится заглянуть за границы мыслимого в процессе познания.

Метафоризация дороги в философии позволяет не только вычленить уровни функционирования этого концепта в философских системах, но и выполнять

методическую роль для классификации самих типов философствования. Мы выделили несколько таких типов по отношению к дороге.

Прогулка как методика активации познавательных способностей. Эрнст Блох в «Тюбингенском введении в философию» отмечает, что в прогулке человек берет себя с собой, «здесь он и выходит за свои пределы, становится богаче лесом, полем, горой. И буквально заново учится узнавать, что есть ошибка и что есть путь» [2, 85]. Последовательность изменения окружающей среды в прогулке приучает к изменчивости вещей, заставляет задумываться о повседневности, случившихся вещах или только предстоящих: «в меняющейся картине мира основание постоянства сосредоточено в точке обзора, и поэтому в путешествии люди легко становятся философами, взгляду которых доступно непосредственное соотношение предметов» [11, 240].

Связь дороги с мышлением отмечали многие исследователи. Дорога — обустроенное пространство движения и фиксирует также иной способ мышления. Преодоление пространства необходимо подчинено мысли, рассуждению. Многие мыслители понимали это, и в их повседневности присутствовала обязательная прогулка (перипатетики, привычка И.Канта).

Путешествия в целях добычи нового знания. Это наиболее распространенный тип с древности. Известна практика некоторых древнегреческих мыслителей путешествовать, прежде чем заняться собственными построениями философских систем. Так, Пифагор, Платон посещали Египет, где приобщились к мудрости восточной философии. Такого рода путешествие было скорее исключением из правил, заканчивающееся не всегда с пользой для мыслителя (Платон был дважды продан в рабство). Древняя Греция задолго до первых философов выработала свои представления о странничестве, оказавшее влияние на западное мировосприятие. Одним своим географическим положением Древняя Греция требовала развития мореходства (морских путешествий). Греков отличала любознательность, жажда удивления — что подчеркивал Аристотель как основу познания. Позже в греческом мировосприятии происходят изменения: определенность в пространстве приводит к укреплению национального самосознания, а значит к закреплению полисной системы. Самым страшным наказанием считается изгнание, а странники приобретают маргинальное положение: сивиллы, рапсоды, софисты. Самое интересное, что рапсоды и софисты несли вместе с собой просвещение [6, 39].

В культуре Средневековья мы наблюдаем похожее явление. В XII веке вместе с появлением первых университетов появляются ваганты — бродячие клирики, студенты. Париж славился теологическим образованием, Болонья — юридическим, Салерно — медицинским. Многие студенты проводили большую часть жизни в переходах от одного университета к другому для получения разностороннего образования. Прослойка вагантов, благодаря своему специфическому образу жизни и творчеству в итоге сформировала куртуазную культуру Средневековья [6, 41].

Богоискание. Практика богоискания тоже имеет древнюю историю. Во всех мировых религиях мы видим пророков, блуждающих по пустыням и ожидающих встречи с трансцендентным. На это же нацелена и практика паломничества. Паломничество — «путешествие с целью приобщения к Абсолюту через поклонение святыне. Его сущность выражается через смысловой пласт категории сакрального: паломнический ритуал совершается в координатах сакрального пространства и времени и реализует духовную «вертикаль» взаимоотношений человека с миром. Поэтому на всех исторических этапах своего развития паломничество главным образом предстает как ритуал» [13, 263]. Конечно, приобщение к святыне подразумевает под собой идеальное понятие, но зачастую паломничество вырождается в религиозный туризм. Богоискание может выражаться в теоретическом и практическом плане. В теоретическом — это наиболее широкое понятие, т. к. всю историю человечества можно представить как стремление вернуться к утерянному раю или же к преодолению молчания богов. В практическом плане — это странствующие мудрецы, мыслители, для которых смысл существования сводится к странствиям, где им может быть явлено чудо или чувство гармонии с окружающим миром.

Дауншифтинг. Понятие дауншифтинга также является достаточно древним. Дауншифтинг означает отказ от потребительской жизни; жизнь, направленную на себя, а не на выполнение чужих целей. Высшая ценность здесь — свобода.

Первые странствующие «не-потребители» с философских позиций, занимавшие маргинальное положение в античном обществе, — киники. В их мировоззрении прослеживается космополитизм и отказ от собственности, привязанности к вещам, семье, полису. Известный представитель кинизма — Диоген Синопский начал скитаться со своим отцом. Каждое место стало для него одновременно подходящим и для еды, и для сна, и для жизни [5, 221]. Вещи для него не имели никакого значения, т. к. они не нужны для естественного существования человека. По убеждению философа, боги даруют людям легкую жизнь, но сами люди осложняют и омрачают её привязанностью к чему-либо. На все укоры за скитальческий образ жизни, Диоген отвечал, что, благодаря скитаниям, он стал философом, а несчастны — живущие оседлым образом, т. к. они вынуждены оставаться дома [5, 229].

Яркий пример странствующего философа, отказавшегося от культуры потребления, представляет наш русский мыслитель Владимир Соловьев. А.Ф. Лосев так писал о нём: «Это был бездомный человек, без семьи, без устойчивого быта ... живал большей частью в имениях своих друзей или за границей» [8, 13]. Отличался Вл. Соловьев неряшливостью и забывчивостью, иногда выходил на улицу в одеяле, которым укрывался ночью [8, 19]. Философ больше всего ценит свободу, которая выражается непривязанностью к вещам, месту. Е.Н. Трубецкой дает исчерпывающую характеристику Вл. Соловьева как странника: «Своим духовным обликом он напоминал тот, созданный бродячей Русью, тип странника, который ищет высшего Иерусалима, а потому приводит жизнь в хождении по

всему необъятному простору земли, ищет и посещает все святыни, но не останавливается надолго ни в какой здешней обители. В такой жизни материальные заботы не занимают много места: у странников они олицетворяются всего только небольшой котомкой за плечами» [12, 51].

Бродяжничество как опыт метафизической свободы. Этот тип философствования наиболее распространен из всех. Скитальчество и бродяжничество признается проявлением свободной воли человека. В частности, эта проблематика развивается в сочинениях Шопенгауэра, Ницше, романтиков и модернистов. Так, А. Шопенгауэр замечает: «Человек с богатым внутренним миром будет стремиться к покою, т. е. изберет тихое существование, и после знакомства с так называемыми людьми будет искать одиночества. Чем более человек духовно беден, тем более он общителен и стремится укорениться в мире» [14, 293]. Богатство внутреннего мира вынуждает человека видеть странником на земле. Ф. Ницше пишет: «Кто хоть до некоторой степени пришел к свободе, тот не может чувствовать себя на земле иначе, как странником, хотя и не путником, направляющимся к определенной цели: ибо такой цели не существует. Но он хочет смотреть открытыми глазами на всё, что собственно завершается в мире; поэтому его сердце не слишком должно привязываться к единичному; в нём самом должно быть нечто странствующее, что находит радость в перемене и тленности» [10, 314]. Немецкий философ исходит из понятия свободы как высшей ценности для мыслящего существа.

А. Камю тоже занимает сходную позицию: отстраненность, скитальчество — это попытка «уйти от себе подобных с целью сохранения независимости своей личности. Свободная личность современного мира, ищущая правды быть и чувствовать, обречена, с позиции философа, на бродячее пустынножительство в гуще многолюдия» [7, 76].

Ризомное строение бытия (лабиринт). Категория «лабиринт» - одна из основополагающих в философии постмодернизма. Она фигурирует как образ-метафора, призванная отразить мироустройство. Сам по себе лабиринт — это «сложно устроенная машина заблуждения, имеющая структуру вход/переход/выход [...] Это особый мир междудверья. По сути, это многократно искривленный и запутанный туннель...» [11, 240]. Сеть дорог — ризомная структура. Образ такой структуры — бесконечный лабиринт. По Х.Л. Борхесу лабиринт — это вообще модель вселенского устройства. Мир — Вавилонская библиотека, воплощенная в образе Лабиринта, Системы. Умберто Эко воспринимает борхесовскую идею лабиринта как образную модель Универсума, но вносит корректировки. Эко замечает, что лабиринт Борхеса системен и структурирован, выход из него предопределен его существованием, в нём нет выбора, скитающийся в таком лабиринте — фаталист в полной зависимости от творца. Такие лабиринты были в истории человечества — это лабиринт Минотавра, в котором невозможно заблудиться, т. к. люди всё равно шли по любому из путей к гибели — Минотавру, и «маньеристический» лабиринт, состоящий из множества

коридоров с тупиками, выход из него постигается методом проб и ошибок. Подлинная же схема мироздания в виде лабиринта — это ризома, в которой «каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична» [3, 399]. Путешествие в этой ризоме — постоянный выбор, сопряженный с множеством трудностей, число которых безгранично [3, 399].

Трансгрессивные практики. Трансгрессия — это путешествие на край возможности человека. Такой тип философствования подразумевает под собой разрушение человеком себя, путешествие за пределы своего тела/сознания. Ф. Ницше писал о том, что «одни путешествуют затем, что ищут себя, другие — затем, что хотят себя потерять» [10, 217].

Практику потери мы можем заметить во многих формах философствования, в частности, в философии С. Грофа, К. Кастанеды, Ж. Батая, несомненно, Ф. Ницше. С. Гроф и К. Кастанеда практиковали достижение измененных состояний. Ж. Батай рассуждает на более обширную тему, т. к. раскрывает механизм функционирования трансгрессивных состояний, поэтому мы обратимся к нему.

Самое существенное, по Батаю, это край возможного. Отодвигание границ бытия и сознания — цель мыслящего человека, безумца. Идеал человека у Батая — это «стремление преодолеть человека, быть тем, чем он был бы, лишившись потребности доходить до совершенства, превращая себя в свою противоположность» [1, 58]. Каким образом происходит «преодоление» человека? Батай пишет: «в бездне возможного, низвергаясь всё глубже и глубже, касаясь той точки, где возможное — само невозможное, впадая в экстаз, задыхаясь — именно так опыт с каждым разом всё больше расширяет горизонт Бога (рану), всё дальше отодвигает пределы сердца, границы бытия, разрушает, разоблачая, средоточие сердца, средоточие бытия» [1, 193]. В этом и заключаются все трансгрессивные практики, границы целеустремлений, которые всё время нарушаются.

Надо заметить, что данная классификация имеет ряд условностей. Одно зачастую подразумевает другое или же является его причиной или следствием. Так, практика дауншифтинга зиждется на такой базовой основе, как свобода, а трансгрессивные практики могут быть следствием теоретического бродяжничества.

Мы можем сделать вывод, что концепт дороги является основополагающей единицей в построении философской системы. Ведь познание направлено не только к внешнему миру, но и к глубинам духа. В качестве такого обращения концепт дороги предстает как осуществление человеком себя, как опыт самоидентификации. Здесь мы говорим не о реальном путешествии, а о внутреннем. Идти в себя — дело не такое уж и легкое, по замечанию Э.Блоха: «сделать же это труднее уже потому, что вход здесь узок. Но ничто не мешает погружаться всё глубже. Только тот, кто закоснел, спокойно пребывает в себе» [2, 82]. Каждая наша мысль, дума, воспоминание движется, а значит, есть хождение.

Список литературы

1. Батай Ж. Внутренний опыт// Пер.с фр. - Спб.: Аксиома, Мифрил, 1997. - 336 с.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию/ Пер.с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д. И. Криушова. - Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1977. - 400 с.
3. Всемирная энциклопедия: Философия XX век/ Главн.науч.ред.и сост. А.А.Грицанов. - М.: АСТ, Мн.:Харвест, Современный литератор, 2002. - 1312 с.
4. Гусева Е.В. Культурная единица «дорога»: атрибутивно-семантические свойства.: авт дис. на соис. уч. ст. к. филос. н. Ниж. Новгород, 2001. - 33 с.
5. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знам
Список литературы
6. Дорофеев Д. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Мысль. Вып.1: Философия в преддверии столетия. СПб., 1997. – с.78-140.
7. Камю А. Избранное/ Камю. - М.: Радуга, 1989. - 574 с.
8. Лосев А.Ф. Вл.Соловьев. - М.: Мысль, 1983. - 617 .
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра/ Собрание сочинений: в 5 т. Т.3/ Пер.с нем. Ю. Антоновского, Е.Соколовой. - Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. - 480 с.
10. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое// Ф. Ницше. Собрание сочинений : в 5 т. т.2 / Пер. С нем. С.Франка, Е.Заболоцкой. -Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. - 464 с.
11. Сила простых вещей: сб. ст. под ред. С.А. Лишаева. - Спб: Алетейя, 2014. –384с.
12. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл.Соловьева. Цитируется по Лосев А.Ф. Вл.Соловьев. - М.: Мысль, 1983.
13. Топоров В.Н. Пространство и текст// Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 227-285.
14. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; афоризмы житейской мудрости: сборник/ А. Шопенгауэр, пер. с нем. - Минск: Поппури, 1997. - 403 .

References